

ФИЛОСОФЫ
ДВАДЦАТОГО
ВЕКА

ФИЛОСОФСКИЕ ТЕТРАДИ

ФИЛОСОФЫ
ДВАДЦАТОГО
ВЕКА

КНИГА ПЕРВАЯ

МОСКВА
ИСКУССТВО XXI ВЕК
2004

УДК 1/14
ББК 87.3
Р 82

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт философии

Научные редакторы:
А.М.РУТКЕВИЧ (ответственный),
И.С. ВДОВИНА

ISBN 5-98051-012-5

© Издательство «Искусство XXI век», 2004
© Макет, художественное оформление
И.В. Балашов, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

А.М. Руткевич
ПРЕДИСЛОВИЕ
7

Т.А. Кузьмина
АНРИ БЕРГСОН
11

М.С. Козлова
ЛЮДВИГ ВИТТЕНШТЕЙН
24

А.М. Руткевич
ЭДМУНД ГУССЕРЛЬ
46

И.А. Михайлов
ВИЛЬГЕЛЬМ ДИЛЬТЕЙ
60

Н.С. Юлина
ДЖОН ДЬЮИ
77

Л.Б.Макеева
РУДОЛЬФ КАРНАП
106

Б.Л. Губман
ЖАК МАРИТЕН
121

Г.М. Тавризян
ГАБРИЭЛЬ МАРСЕЛЬ
135

В.Л. Кошелева

МОРИС МЕРЛО-ПОНТИ

157

И.С.Вдовина

ЭММАНИЮЭЛЬ МУНЬЕ

169

А.Б. Зыкова

ХОСЕ ОРТЕГА-И-ГАССЕТ

183

Н.С. Юлина

КАРЛ ПОППЕР

201

И.С. Вдовина

ПОЛЬ РИКЁР

224

Т.А. Кузьмина

ЖАН-ПОЛЬ САРТР

246

А.М. Руткевич

ЗИГМУНД ФРЕЙД

258

И.А. Михайлов

МАРТИН ХАЙДЕГТЕР

269

М.С. Кошкарян

МИКЕЛЕ ФЕДЕРИКО ШАККА

288

Б.Т. Григорьян

МАКС ШЕЛЕР

308

Б.Т. Григорьян

КАРЛ ЯСПЕРС

327

ВИЛЬГЕЛЬМ ДИЛЬТЕЙ

Вильгельм Дильтей известен как один из основателей *философии жизни*. Философия жизни (Lebensphilosophie, Philosophie des Lebens) в *широком смысле* – традиция, идущая от Сенеки, Марка Аврелия, Августина, Макиавелли, Монтеня и Паскаля. Прагматически ориентированная философия жизни постепенно складывается под влиянием педагогических идей Руссо, Песталоцци и Гербарта и понимается поначалу как «философия практической жизни» («жизненная мудрость», «наука о жизни», «искусство жизни»). Уже в немецком идеализме выдвигается тезис о превосходстве «философии жизни» над «теоретической философией», логическому доказательству здесь противопоставляются «опыт» и «переживание истины». Шлейермахер и Новалис критикуют рациональность мышления, превознося непосредственность веры и живые потребности «глубин души». На эту широкую идейную традицию повлияли работы А.Шопенгауэра (идея безосновной «воли») и Ф.Ницше, писавшего об обновлении дионисийской «полноты жизни» посредством искусства и музыки, а позднее — о «трагическом» в жизни и антагонизме между нею и историей как наукой. Именно благодаря своей аморфности и многозначности философия жизни приобретает значительную популярность, пики которой приходится на конец XVIII – начало XIX веков, последние десятилетия XIX – начало XX века. Между тем понятие философии жизни в *узком смысле* закрепилось преимущественно за Дильтеем и школой, основывающейся на его концепции; произошло это в основном под влиянием работы Г.Риккерта «Философия жизни» (1920).

Родился Дильтей 19 ноября 1833 года в немецком городке Биберих в семье священника, который рассчитывал, что сын станет пастором. В 1852 году он поступил в Гейдельбергский университет, по окончании годичного курса теологии перебрался в Берлин. Именно в то время в Германии благодаря трудам Я.Гримма, А.Бекха и Б.Нибура интенсивно развиваются исторические науки; занятия историей на семинарах Л. фон Ранке окончательно формируют интерес Дильтея к исторически ориентированной философии. Он защищает диссертацию в 1864 году и становится приват-доцентом философского факультета. С 1866 года Дильтей – профессор в Базеле, в 1868–71 годах – в Киле; в это же время он становится одним из попечителей архива Шлейермахера и сам активно занимается изучением его творчества. Уже в первом томе монографии «Жизнь Шлейермахера»¹ (1867, 1870) Дильтей формулирует основные темы своей философии: внутренняя взаимосвязь душевной жизни и герменевтика как наука, занятая истолкованием объективации человеческого духа. Одним из важнейших событий в жизни Дильтея становится его знакомство в 1877 году с графом Йорком фон Вартенбургом, переросшее в многолетнюю дружбу. В графе Йорке, не сделавшем университетской карьеры, он находит верного соратника в построении «новой гносеологии» исторического познания и, в первую очередь, в уточнении представлений о познающем субъекте как «жизненном» и «историческом».

В 1882 году Дильтей возвращается в Берлин, где в те годы находился самый значительный немецкий университет, чтобы занять там кафедру философии (ранее ее возглавлял Гегель). Через год выходит первый том «Введения в науки о духе»², наброски к следующим томам появятся лишь в 1914 и 1924 годах в его Собрании сочинений, а цельный корпус текстов – только в 1989 году. При жизни Дильтей так и оставался автором большого числа частных исследований, рассеянных по различным академическим изданиям, и до конца XIX века был мало известен.

В течение более чем десяти лет интенсивной работы Дильтей пытался разработать и систематизировать основоположения наук о духе, предполагая сделать их содержанием второго тома, однако решил, что эти исследования еще не достигли необходимой завершенности, достаточной для их публикации. Правда, в первой половине 1890-х годов Дильтей опубликовал ряд важных тезисов, которые считал предварительной работой к окончательному варианту второго тома «Введения». Однако издание, в котором эти труды появились («Отчеты о заседании Прусской Королевской Академии наук Берлина»), не располагало к широкому публичному знакомству с разработками основоположений наук о духе³. Известность последующих работ Дильтея была затруднена из-за разрозненности академических изданий, а также отсутствия целостного изложения того контекста, в который включались бы новые исследования.

В 1887 году Дильтей становится действительным членом Прусской Королевской Академии наук, что предоставило ему большую свободу для реализации проектов, выходящих за рамки чистой науки. Так, в 1889 году он выступил с идеей создания «литературных архивов», предназначенных для сбора и хранения всевозможных материалов, касающихся творчества известных немецких писателей и философов. Эта программа оказалась очень плодотворной при подготовке собрания сочинений И.Канта (начата в 1893 году, первый том вышел в 1902 году).

Как уже отмечалось, первый том «Введения в науки о духе» появился в 1883 году. Он состоит из собственно введения – «Обзора системы отдельных наук», где обосновывается необходимость «основополагающей науки», и основной части, озаглавленной «Метафизика как основание наук о духе. Ее господство и упадок». Эта часть посвящена доказательству беспочвенности притязаний метафизики на то, чтобы быть «царицей наук», универсальной основой всей совокупности научного знания. Дильтей критиковал метафизику, во-первых,

за характерный для нее приоритет познавательного отношения к миру и, во-вторых, за признание реальности, трансцендентной по отношению к опыту. По поводу первого (интеллектуализма метафизики) Дильтей пишет: «В жилах познающего субъекта, которого конструируют Локк, Юм и Кант, течет не настоящая кровь, а разжиженный сок разума как чистой мыслительной деятельности. Меня же психологическое и историческое изучение человека вело к тому, чтобы положить его – во всем многообразии его сил, как желающее, чувствующее, представляющее существо – в основу объяснения познания» (I, XVIII). Вместо «познающего субъекта», «разума» исходным становится «целостный человек», «тотальность» человеческой природы, «полнота жизни». Познавательное отношение включается в более изначальное жизненное отношение: «Cogito» Декарта и «я мыслю» Канта Дильтей заменяет данным в самосознании единством «я мыслю, я желаю, я боюсь» (XIX, 173). Общность с идеалистической традицией сохраняется в том, что для него исходным в науке о человеке по-прежнему остается сознание, а не какие-либо факторы, лежащие за его пределами. Под влиянием немецкой традиции исторического мышления Дильтей намеревался дополнить «Критику чистого разума» Канта собственной «критикой исторического разума». Основная тема «Введения в науки о духе» – специфика гуманитарного знания. Термин «науки о духе», *Geisteswissenschaften* – перевод «moral science» Д. Ст. Милля – возник по образцу «наук о природе», *Naturwissenschaften*, в то время, когда естественные науки стали идеалом общезначимого знания (английский и французский позитивизм, О.Конт).

В наброске ко второму тому «Введения в науки о духе» более подробно тематизируется само сознание. Оно понимается как целостный исторически обусловленный комплекс познавательных и мотивационных условий, лежащих в основе опыта действительности, и трактуется как переживаемый человеком способ, благодаря которому нечто для него «есть». Сознание несводимо к интеллектуальной деятельности: со-

знанием являются воспринимаемый аромат леса, наслаждение природой, воспоминание о событии, стремление и тому подобное – то есть различные формы, в каких проявляет себя психическое. Все предметы, наши собственные волевые акты, Я и внешний мир даны нам прежде всего как переживание, как «факты сознания»: Дильтей называет это принципом феноменальности. Форму, в которой нечто может быть данным в сознании, Дильтей называет «осознаванием» (Innewerden) (XIX, 160 ff.), иногда – «переживанием» («инстинкт, воля, чувство»); психическое здесь еще не разделено на мышление, чувство, волю (Дильтей пытается избежать тем самым дуализма субъекта и объекта). «Существование психического акта и знание о нем – не различные вещи...»; «Благодаря тому, что я есть, я знаю о себе» (XIX, 53–54). Важной заслугой Дильтея является преодоление скептических выводов «феноменализма» и стремление трактовать область (психических) феноменов как мир несомненных данностей – так называемых «фактов сознания».

Переходя от этих общих принципов к анализу конкретного состояния сознания в некий момент времени, Дильтей стремится упорядочить широкую область фактов сознания в соответствии с фундаментальным различием того *способа*, каковым эти содержания даны в сознании. Он выделяет градации степеней интенсивности первичного осознания, являющегося примитивной формой сознания вообще (XIX, 67). «Осознаванием» Дильтей называет психический акт, где наряду с сознанием вещи проявляется также и сознание процесса, в котором эта вещь воспринимается; осознание обычно сопровождает наше восприятие¹, однако оно трудноуловимо, поскольку анализировать какой-либо момент восприятия мы можем, только рассматривая сохраненный памятью образ, а в нем удерживается, «оседает» преимущественно объективно-вещественное. С укреплением и расширением опыта возникает *самосознание*, становящееся принципом отчетливого разграничения фактов сознания.

Именно в этих разработках ко второму тому «Введения в науку о духе» происходит становление нового категориального аппарата философии Дильтея. Одним из важнейших здесь является термин «переживание» (Erleben, Erlebnis), обозначающий непосредственное внутреннее схватывание явления – как процесс, содержание и «предмет» переживания. Акт переживания (Erleben), его содержание (Erlebnis) и предмет, к которому переживание отнесено (Erlebte), образуют живую целостность. Переживание характеризуется непосредственностью самого этого акта, понятийно не опосредованного, связанностью пережитого с переживающим субъектом и значимостью пережитого для жизненной целостности субъекта.

Дильтей развивает высказанный им во «Введении» тезис об ограниченности метафизического интеллектуализма в работе «К решению вопроса о происхождении нашей веры в реальность внешнего мира и ее обоснованности»⁵. Теперь ему предстоит на конкретном материале показать, как именно образуется то изначальное, «нерастворимое ядро» жизненного опыта (GS I, 396), которое можно противопоставить интеллекту; этот опыт имеет практический характер, а потому не может быть познан чистым интеллектом. Дильтей обращается к первичному опыту Я, «себя самого», возникающему в сопротивлении, «телесном ограничении собственной жизни». В опыте сопротивления в действие приведены все силы душевной жизни, и возникает он еще на стадии развития эмбриона. Важно, что подобный опыт не является обособленным и «изолированным»: вместе с ним, причем в той мере, в какой он формируется, возникает и понятие чего-то, что не есть «я сам», – то есть некоего «Вне». (Дильтей сознательно избегает использования фихтевского «не-Я» ввиду упомянутого интеллектуализма). Для решения проблемы внешнего мира подобный опыт важен прежде всего потому, что позволяет уйти от бесплодного и методологически излишнего спора о существовании (или не-существовании) мира. Эта псевдопроблема возможна лишь постольку, поскольку мир искусственно

берут как «чувственный» феномен (здесь Дильтей упоминает Юма, Беркли, ответственным за это он считает и Канта). Таким «феноменом чувств» мир предстает только для изолированной интеллектуальной деятельности. Понятия «внешнего мира» и «реальности» возникают, когда первичный опыт сопротивления опосредуется мыслительными процессами. Если же мы выделяем определенные константные формы (*Gleichförmigkeiten*) такого противодействия миру, независимые от нашей воли, возникает понятие «объекта».

Следующим этапом исследовательской программы Дильтея стала «Описательная психология»⁹. Здесь он подробно рассматривает уже сформировавшуюся индивидуальную психическую жизнь человека и методы ее постижения. Противопоставление «наук о природе» и «наук о духе» сохраняется в дуализме «внешнего» и «внутреннего» восприятия, определяя первую дихотомию: предметы естественных наук даны нам «извне» и раздельно, а потому естественнонаучной психологии приходится сводить явления к ограниченному числу однозначно определенных элементов и конструировать связи между ними с помощью гипотез. Преимущество «внутреннего восприятия» состоит в том, что наша психическая жизнь дана нам непосредственно и уже как нечто целостное (как взаимосвязь). Отсюда следует противоположность двух методов объяснения и понимания: «природу мы объясняем, душевную жизнь – постигаем» (*GS V, 170 ff.*); объяснение подводит единичный случай под общий закон, понимание предполагает участие внутреннего опыта. Метод новой психологии должен быть описательным, расчлняющим сплетенные между собой уровни душевной жизни, которую Дильтей рассматривает как взаимосвязанную, структурированную и развивающуюся. Структурная взаимосвязь определяет взаимодействие основных компонентов душевной жизни – мышления, воли и чувства; приобретенная взаимосвязь психической жизни понимается как совокупность всего жизненного опыта. Объясняя, каким образом жизнь на каждом этапе своего развития

сама ставит перед собой определенные цели и добивается их исполнения, Дильтей вводит понятие *телеологической взаимосвязи*. Самодостаточность жизни (выражаемая ее структурной взаимосвязью) диктует необходимость «понять жизнь из нее самой» (IV, 370), поскольку исследователю невозможно опереться на какие-либо трансцендентные по отношению к ней основания.

Благодаря Шпрангеру, Ясперсу и другим мыслителям, философия Дильтея долгое время рассматривалась как «психология наук о духе». Но контекст, который определил в каждом отдельном случае задачу этих черновых проектов, в значительной мере выпал из поля зрения исследователей. «Описательную психологию» Дильтей отослал Г.Эббингаузу, своему коллеге по Берлинскому университету, а также некоторым другим психологам и философам, интересующимся вопросами психологии (в том числе Наторпу, Зигварту, Рилю и Липпсу) с просьбой оценить и подвергнуть конструктивной критике его сочинение, в котором он противопоставил психологию «описательно-аналитическую» противоречивой с естественнонаучной точки зрения «объяснительной» психологии. Однако вместо ожидаемого Дильтеем ответа Эббингауз публикует обширную критическую рецензию во влиятельном и издаваемом при его участии «Журнале психологии и физиологии органов чувств». Позднее он обосновал свою резкую критику впечатлением «полной несправедливости в отношении к современной психологии», «неподобающе заниженной оценкой» экспериментальной психологии. Дильтея он объявил кабинетным ученым, «чужаком» в «этой развивающейся быстрыми темпами дисциплине», которому следовало бы «предоставить ее самим экспериментальным психологам, а не реконструировать и реформировать». По мнению Эббингауза, незнакомый с современным развитием психологии Дильтей слишком прямолинейно отождествил современную объяснительную психологию с давно устаревшей психологией Гербарта. Поэтому оценка её им оказалась

беспредметной. Психологи давно отказались от того, что критикует Дильтей, а то, что он считает позитивным, им давно известно. Развернутый ответ на критику в свой адрес Дильтеем так и не был опубликован, его отчасти заменяет краткое и сдержанное изложение им своей концепции во введении к следующей работе – «Очеркам к изучению индивидуальности» (1895–96), запланированной в качестве более развернутого продолжения «Описательной психологии» и уже подготовленной ко времени выхода в свет критики Эббингауза⁴. Это сочинение, которое прежде было озаглавлено «О сравнительной психологии», не получило разработки и сохранилось в виде фрагмента⁵. Вместо запланированного продолжения работы по систематизации содержания второго тома «Введения в науки о духе» Дильтей обращается к изучению Шлейермахера и своим старым проектам. Статья Эббингауза не только оказала непосредственное влияние на дальнейший ход мыслей самого Дильтея, но во многом осложнила адекватное восприятие его философствования. Так, например, Гуссерль признавал, что он, «находясь под влиянием блестящей критики Эббингауза», не счёл необходимым прочитать последнюю из присланных ему Дильтеем работ⁶. Вполне возможно, что под воздействием этой критики Дильтей впоследствии отказался от идеи «психологического» основоположения наук о духе, продолжив разработку программы «Критики исторического разума» и пытаясь дать наукам о духе новое, «герменевтическое», обоснование.

Но если говорить не о восприятии философии и психологии Дильтея, а об их реально-содержательных, новаторских для своего времени тенденциях, оказавшихся родственными и феноменологии Гуссерля, то они заключаются в следующем. Дильтей (как, впрочем, и Ф.Брентано) сделал акцент на *деятельном* моменте психики: психология изучает не устойчивые «сущности», но «акты», «процессы», и это стало важным шагом для подрыва той самой «натурализации психического», которую позже будет критиковать Гуссерль в «Философии

как строгой науке». Если, далее, возмущение экспериментального психолога Эббингауза и объяснимо, то несомненной заслугой Дильтея является все же то, что в противовес «психологии без души», позитивизму и естественнонаучному подходу к психическому он попытался обосновать возможность некой новой, *гуманитарной*, а значит – и *более гуманистической* психологии. Следует признать, что экспериментальная психология по характеру и стилю её работ одержала в психологии XX века безусловную победу. И все же тогда родственные дильтеевским попытки, хотя и с иных философских позиций, отнюдь не были оставлены¹¹. Наконец, задолго до Гуссерля и Хайдеггера Дильтей выдвинул идею проекта *описательной, дескриптивной* психологии, намечавшей тенденцию к философии *не-конструктивного* и *не-спекулятивного* типа.

Однако, как показал второй том «Введения в науки о духе», проникновение в тайну человеческой жизни не может ограничиться исследованием «поперечного среза» сознания и аналитикой различных способов осознания; обнаружение того первичного опыта, в котором формируются коррелятивные феномены Я и «внешнего мира» («Проблема внешнего мира»), – также лишь один из аспектов изучения; недостаточными для основоположения наук о духе оказались бы и одни только знания, полученные при исследовании индивидуальной жизни («Описательная психология»). Поэтому важным средством познания духовного мира становится *сравнительная психология*¹². Описательно-аналитический метод получает продолжение в сравнительном методе, причем если предмет первого – *«единообразное»* в душевной жизни, то второй рассматривает индивидуальные психологические различия и особенности. Их наличие обусловлено самыми разнообразными факторами: различием полов, национальностей, основными психологическими темпераментами, расами, различными профессиями и эпохами. Искусство, по Дильтею, является первым опытом изображения исторического мира в

его индивидуальности. С одной стороны, оно опирается на жизненный опыт, с другой стороны, благодаря искусству каждый из нас получает значительную долю знаний о человеческой природе, научаясь смотреть на мир глазами поэта, угадывать в окружающих людях те или иные литературные персонажи. От степени развития художественных способностей зависит и наука. Поэтому научное истолкование, или интерпретация, если оно опирается на художественное воссоздание, должно содержать в себе элемент гениальности. Ибо живой процесс воссоздания превосходит по своим возможностям и полноте какой бы то ни было научный процесс. В «Сравнительной психологии» Дильтей подробно разбирает природу воссоздания образов и совокупности человеческих состояний, предоставляемых литературой, поэзией, живописью и подражательными искусствами, вычленяя при этом различные эпохи (этапы) постижения индивидуальности.

Большое общественное признание Дильтей обрёл лишь с наступлением XX столетия. Это произошло прежде всего благодаря его «Истории молодых лет Гегеля»¹⁵, вышедшей в свет в 1905 году и вновь пробудившей широкий интерес к великому философу, а затем благодаря ряду историко-литературных статей, изданных под общим заглавием «Переживание и поэтическое творчество»¹¹. Методы, продемонстрированные автором в этом эссе, при жизни Дильтея выдержавшем три издания¹⁵, оказали на литературоведение революционизирующее воздействие, и влияние философа распространилось далеко за пределы узкого академического круга. В данной работе Дильтей утверждал, что поэтическое выражение наиболее полно и адекватно передает «переживание», ибо оно свободно от категориальных форм рефлексии, обладает особой «энергией», а «объективность» его неотделима от всего богатства душевных сил; в поэзии находят выражение основополагающие «формы» внутреннего мира.

В начале века внимание широкой читательской аудитории было привлечено к двум большим трудам – последним из тех,

что были опубликованы ещё при жизни Дильтея. «Построение исторического мира в науках о духе»¹⁶ замышлялось как первая часть главной программы Дильтея по обоснованию наук о духе. В этом последнем значительном произведении Дильтея рассматривается проблема истолкования «объективаций жизни», поскольку человек живет «не в переживаниях, а в мире выражения», и характер опыта, лежащий в основе наук о духе, имеет преимущественно языковую природу. Метод философии жизни базируется, по Дильтею, на триединстве переживания определенных жизненных явлений, выражения (синоним «объективаций жизни») и понимания, проблематика которого вплотную подводит к проблеме чужой индивидуальности, к *Другому*.

Работа «Типы мировоззрения и их формирование в метафизических системах»¹⁷ (1911) стала всеобъемлющей презентацией мировоззренческой философии Дильтея. Учение о мировоззрении имело большой успех в литературоведении и искусствоведении и оказало непосредственное влияние на возникновение здесь традиции типологизации. Успех работ о типах мировоззрения и поэзии вновь привлекает внимание философской общественности к Дильтею. Он воспринимается теперь как авторитетный философ, его слово приобретает все больший вес. Поэтому в высшей степени позитивная оценка им «Логических исследований» Э.Гуссерля существенно повлияла на интерес к ранней феноменологии, способствуя её известности и популярности. Дильтей понял замысел Гуссерля как дальнейшее развитие своих собственных исследований, представленных в «Описательной психологии». В 1905 году Дильтей не раз ссылаясь на эту «эпохальную» работу¹⁸. В свою очередь Гуссерль, узнав, что Дильтей на своем семинаре обсуждал «Логические исследования», тогда же встречается с ним в Берлине¹⁹. Затем, уже в летний семестр 1905 года, на семинаре по истории философии в Гёттингене Гуссерль наряду с текстами Виндельбандта и Риккерта обсуждает и «понимающую психологию» Дильтея²⁰. Тем более нео-

жиданным для Дильтея оказался резкий выпад Гуссерля против «заблуждений новой мировоззренческой философии» в сочинении «Философия как строгая наука», которое было опубликовано в 1911 году в журнале «Логос»²¹. Здесь Гуссерль ссылается на Дильтея в манере, вызывающей полное недоумение и не проясненной даже в последующей переписке. Двадцать лет спустя, во введении к лекциям по «Феноменологической психологии», Гуссерль признает, что «был маловосприимчив к значимости трудов Дильтея». Как уже отмечалось выше, в этом сказалось «влияние блестящей критики Эббингауза»²². Тогда же вышел в свет сборник «Мировоззрение, философия и религия», где Дильтей и его ближайшие ученики вместе с некоторыми другими известными авторами, в частности, Наторпом, Зиммелем и Трельчем, обсуждали различные аспекты актуальной тогда темы «мировоззрения». Гуссерль критически ссылался на этот том, в особенности на статью Дильтея о «Типах мировоззрения и их образовании в метафизических системах». По мнению Гуссерля, имеется прямая связь между историцизмом, скептицизмом и мировоззренческой философией: констатация исторического характера сознания ведет к признанию относительности отдельных философских истин и систем. Таким образом, современная философия, вместо того, чтобы стать строгой наукой, пытается удовлетворить потребность в унифицированной мировоззренческой концепции. Гуссерль не оспаривает определённой ценности подобной мировоззренческой философии, коль скоро последняя отдаёт себе отчёт в «низком уровне своих научных результатов»²³. Он борется против скептицизма мировоззренческой философии, сомневаясь в том, что при акцентировании исторического многообразия культурных явлений вообще может быть выявлен объективный характер законности религии и философии.

Идеи Дильтея обрели скандальную славу в биологически ориентированной философии жизни Шпенглера, представившего мировую историю как «спектакль множественности

культур» и воплотившего концепцию жизненной формы в теории морфологии культуры. 1924–1927 годы засвидетельствовали очередной, хотя и недолгий, всплеск интереса к Дильтею, вызванный во многом изданием собрания его сочинений, а также публикациями школы Дильтея, к тому времени уже вполне сформировавшейся. Большое значение имел и выход в свет «Бытия и времени» (1927) Хайдеггера, который, впрочем, изменил направление философских дискуссий о Дильтее, сместив интерес с обоснования наук о духе в сторону проблематики «жизни», «понимания» (герменевтики) и историзма. В значительной мере адекватному восприятию идей Дильтея препятствовало развитие в 20-х годах вульгарной философии жизни, связанной с осмыслением в Германии опыта Первой мировой войны, а также антилиберальными настроениями в целом. После 1933 года значительная часть его учеников была отстранена от преподавания и эмигрировала; пожалуй, последней публикацией этого периода стала книга О.-Ф. Больнова (1936), долгое время остававшаяся единственным серьезным изложением философии Дильтея. Применявшаяся им методология понимания и интерпретации позволила специалистам (Гадамер, Больнов) назвать его основателем философской *герменевтики* (сам Дильтей этого термина для характеристики своей философии не употреблял). Философия жизни Дильтея оказала большое влияние на развитие педагогики (Г.Ноль, Э.Шпрангер, Т.Литт, О.-Ф.Больнов), что неудивительно, поскольку именно в этой дисциплине Дильтей видел «цель всякой подлинной философии». В 1960 году книга Гадамера «Истина и метод»²⁴ сообщила исследованию философии Дильтея новый импульс. Прерванный в начале 1930-х годов спор, в то время сведенный к формулировке «Жизненная философия и феноменология», получил продолжение. Глава «Коллизия Дильтея в апориях историзма» содержит интерпретации Дильтея, которые пользовались в конце столетия наибольшим влиянием и следовали принципам философской герменевтики, ещё не осознававшей себя в качестве методологии наук о

духе. Главный интерес Гадамера направлен на теорию герменевтического познания; в герменевтической традиции, идущей от Шлейермахера, Бёкха, Ранке и Дройзена, философия Дильтея обладает особенной значимостью, поскольку именно на её основе Гадамер пытается разработать первоначальный вариант «апорий историзма». Эта интерпретация задала определенные ориентиры восприятия Дильтея: его философия была представлена как форма историзма, как объективизм, ориентированный на естественнонаучный идеал, преодоленный феноменологией²⁵, и тем самым был закреплен образ «превзойденного» Дильтея.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹*Dilthey W. Schleiermachers Leben (1870)* – In.: *Gesammelte Schriften*. Göttingen, 1960. 2. Aufl. (Далее немецкое Собрание сочинений Дильтея обозначается как GS, ссылки даются в тексте с указанием тома и страниц).

²*Dilthey W. Einleitung in die Geisteswissenschaften. Versuch einer Grundlegung für das Studium der Gesellschaft und der Geschichte*. Erster Bd. Leipzig, 1883. 2. Aufl. 1922 (GS I).

³Имеются в виду работы «Проблема внешнего мира», «Описательная психология» и «Индивидуальность».

⁴Под восприятием Дильтея понимает форму сознания, родственную представлению и предполагающую своего рода «предсобою-ставление» объекта (игра слов: «Vorstellen» – представление, «vor sich stellen» – ставить перед собой).

⁵*Beitrage zur Losung der Frage vom Ursprung unseres Glaubens an die Realitat der Außenwelt und seinem Recht (1890)* – In.: GS. Bd. V, S. 90–135.

⁶*Ideen ueber eine beschreibende und zergliedernde Psychologie (1894)* – In.: GS. Bd. VI, S. 139–237.

⁷Неопубликованное письмо к Дильтею от 27.10.1895.

⁸«Возражение Дильтея Эббингаузу см. в: GS. Bd. V, S. 237–240.

⁹К истории этой работы см. редакторские замечания *Misch G. Vorwort* – In.: GS. Bd. V, S. 422–425.

- ¹⁰См.: *Husserl E.* Husserliana. Bd IX: Phaenomenologische Psychologie. Den Haag, 1962, S. 34.
- ¹¹Здесь подразумевается в первую очередь системы Л. Бинсвангера и М. Босса, опирающиеся на идеи М. Хайдеггера.
- ¹²*Beitrage zum Studium der Individualitat (1895–96)* – In.: GS. Bd. II, S. 241–316. Дополнением к нему служат изучение поэтического творчества, исторических типов мировоззрений, религиозного и этического сознания и т.п.
- ¹³Впервые вышла в *Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften*, Jg. 1906. С дополнениями из рукописного наследия переиздано в: GS. Bd. IV. 1911. S. 1–282.
- ¹⁴*Dilthey W.* Das Erlebnis und die Dichtung: Lessing, Goethe, Novalis, Holderlin. 4. Aufl. Leipzig, 1906.
- ¹⁵2-ое изд. – 1907; 3-е изд. – 1910; 15-е изд. — 1970. Göttingen.
- ¹⁶Впервые появилась в *Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften*, Jg. 1910. Опубликована с текстами из рукописного наследия в *Gesammelte Schriften*. (Bd. VII, S. 77–188). *Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften*.
- ¹⁷In: *Weltanschauung, Philosophie und Religion in Darstellungen von Wilhelm Dilthey u.a.* Berlin, 1911, S. 3–51. Опубликовано с другими текстами о философии мировоззрения в: GS. (Bd. VIII, S. 73–118).
- ¹⁸См. об этом: *Gesammelte Schriften*. Bd VII, S. 14, прим. и 39 f. См. также: *Spiegelberg H.* The phenomenological movement. A historical introduction. Bd. I. The Hague, 1960, S. 122 ff, а также: *Plessner H.* Bei Husserl in Göttingen — In.: Edmund Husserl, 1859–1959. La Haye, 1959; также: *Schapp W.* Erinnerungen an Husserl — *Ibid.*; *Heinemann F.* Existenzphilosophie – lebendig oder tot? Stuttgart, 1954, S.52.
- ¹⁹См.: Письмо Гуссерля к Мишу (27.6.1929), цитируемое в послесловии книги Г.Миша: *Lebensphilosophie und Phaenomenologie. Eine Auseinandersetzung der Diltheyschen Richtung mit Heidegger und Husserl.* Darmstadt, 1967, S. 328.
- ²⁰См.: *Schubmann K.* Husserl-Chronik. Denk und Lebensweg Edmund Husserls. Den Haag, 1977, S. 89.

²¹*Husserl E.* Philosophie als strenge Wissenschaft – In: *Logos*. 1910/11. Bd. I, S. 309.

²²*Husserliana*. Bd. IX, a.a. O., S. 34 f.: «Чем далее сам я продвигался в разработке феноменологических методов и в феноменологическом анализе духовной жизни, тем более вынужден был признать, что Дильтей был прав, когда говорил о внутреннем единстве феноменологии и описательно-аналитической психологии, против которого сложилось столь сильно навредившее мне предубеждение. Его сочинения образуют гениальный предварительный обзор и предварительную ступень феноменологии. Они никоим образом не устарели, сегодня являются вполне конкретным, полноценным стимулом к работе в области феноменологии, прогрессивно изменяющей свои методы и преобразующей проблемное поле в целом». Работы Дильтея «являют собой подлинную сокровищницу интуитивных прозрений и описаний в их исторической связности», являются «уже подготовленной почвой» для «плодотворной работы» феноменолога.

²³*Husserl E.* Philosophie als strenge Wissenschaft, S. 328.

²⁴*Gadamer H.-G.* Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Tübingen, 1960. S. 205–228.

²⁵См.: *Ibid*, S. 229–250.

ФИЛОСОФСКИЕ ТЕТРАДИ

ФИЛОСОФЫ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

КНИГА ПЕРВАЯ

Редактор Л.П. Орлова

Организация печатных процессов М.И. Попова

Художественное оформление и макет И.В. Балашов
Художественно-технический редактор И.Э. Орловская

Корректор О.Э. Манько

Подготовка иллюстраций А.Е. Ванин

Компьютерная верстка – издательство «БЕЛЫЙ БЕРЕГ»

Философы двадцатого века. Книга первая. – 2-е изд., переработанное и доп. – М.: Издательство «Искусство XXI век», 2004, 367 с.: илл.

ISBN 5-98051-012-5

В книге дается краткая характеристика воззрений западных мыслителей XX века, основоположников и лидеров ведущих философских направлений: А.Бергсона, Л.Витгенштейна, Э.Гуссерля, В.Дильтея, Д.Дьюи, Р.Карнапа, Ж.Маритена, Г.Марселя, М.Мерло-Понти, Э.Мунье, Х.Ортеги-и-Гассета, К.Поппера, П.Рикера, Ж.-П.Сартра, З.Фрейда, М.Хайдеггера, М.Ф.Шапки, М.Шелера, К.Ясперса.

Для научных работников, аспирантов и студентов, специализирующихся в гуманитарных дисциплинах, а также широкого круга читателей, интересующихся проблемами современной философии и культуры.

ISBN5-98051-012-5

9 785980 510121 >

Подписано в печать 27.02.2004. Формат 84x108/32.
Гарнитура Garamond. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 2000. Изд. № 11. Заказ 588.

ООО Издательство «Искусство XXI век».
103626 Москва, Б. Черкасский пер., 15-401.
Тел./факс (095) 925-91-78.

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости».
105005 Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.